

Абандон 2



Котов Сергей

Сергей Котов

Абандон 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69488665

SelfPub; 2023

Аннотация

В заброшках грань между мирами истончается. Есть особенные люди, хантеры, которые в таких местах могут извлекать из других миров различные артефакты, "сердца заброшек". Арти и Соня – команда, одни из самых успешных хантеров в истории, получают посвящение Алой Ступени, которое открывает им доступ к самым сокровенным тайнам нашего мира. Вот только их жизнь теперь становится куда опаснее.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Гвинея	13
Глава 1	13
Глава 2	30
Глава 3	44
Глава 4	57
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сергей Котов

Абандон 2

Пролог

Фигуры в чёрных балахонах меня нервировали. Кто его знает, что скрывается под куколем? Только ли человеческие лица? Но проверить это не было никакой возможности: на мне самом был такой же. И никаких очков. Я пытался пронести их на церемонию, но Эльвира, наш новый лидер, не дала это сделать. Ещё и наслушался от неё всякого. В других обстоятельствах я бы обиделся. Но сейчас это было совершенно неуместно.

«Мир не так прост, как тебе могло показаться, – говорила Эльвира, когда приглашала нас на церемонию, – в нём есть такие силы, о существовании которых узнаёшь, только приобретая определённое влияние. Некоторые из них являются нашими союзниками, некоторых приходится терпеть, опираясь на систему сдержек и противовесов, существующих между многочисленными кланами и тайными обществами. Это жизнь, и чем скорее ты начнёшь понимать её правила – тем лучше для тебя».

Конечно, мне очень хотелось знать, какие именно «кланы

и тайные общества» имелись в виду. Но дальнейших объяснений не последовало. Это значило, что всему своё время.

Наших на церемонии было ровно одиннадцать. Все представители Алой Ступени, конечно. Никто другой не имел доступ к мегалитам. Или, по крайней мере, к их истинной сути. И ещё человек тридцать чужаков. Это были те, кто «на самом деле правит нашим миром», по словам Эльвиры.

Мы стояли через равные промежутки, среди гостей. Горы вдалеке уже вспыхнули алым, значит, скоро начнётся.

И действительно: Эльвира вышла вперёд. Откинула куколь с головы и посмотрела на всех нас своими пронзительными ясными глазами. На вид ей было лет шестьдесят: седые волосы, морщинки на лице – но при этом она сохранила природную красоту, которая с возрастом будто бы приобрела оттенок истинного благородства, которое способно дать только время.

Я уже знал, что на самом деле она куда старше. Если всё пойдёт хорошо – то у нас с Соней тоже есть шанс прожить не один век.

– Одна из нас, – произнесла Эльвира, вроде бы негромко, но её уверенный голос слышали все присутствующие, насколько в этом не сомневался, – отправилась в путешествие, забирая сокровища своей жизни. Мы отдаём её тело другим мирам, ради новых смыслов.

– ...новых смыслов, – выдохнула толпа. Я тоже произнёс эту фразу, мы заранее проходили церемониал, и я знал, что

говорить.

Тело Киры сидело на роскошном кресле с большими деревянными колёсами, которых были толстые резные спицы. На двух стойках над креслом были установлены гудящие факелы. Они горели слишком ярко; возможно, в них сгорала не смола, а газ. Кира была совершенно обнажена; искусные бальзамировщики, которые с ней работали, смогли скрыть даже чудовищную рану, нанесённую оружием пришельцев.

Эльвира встала за креслом. Снова накинула куколь и медленно, торжественным шагом покатила кресло по деревянному настилу, который подготовили заранее.

Все присутствующие медленно и печально двинулись следом. Солнце скрылось за горизонтом, послав на прощание рубиновый луч. После захода стало очень тихо; замер малейший ветерок. Только факелы гудели да чуть поскрипывали ступицы колёс.

Что-то белое засветилось среди мегалитов. Эльвира продолжала идти вперёд.

Возле внешнего круга она остановилась. Развернула кресло к присутствующим.

Только теперь я заметил, что на закрытых веках Киры были нарисованы глаза.

– Последнее прощание, – произнесла Эльвира. Потом подошла к покойной, наклонилась к ней, и, как мне показалось, что-то шепнула. Затем отошла в сторону.

Все присутствующие, включая гостей, выстроились в одну

очередь. Я оказался где-то в середине.

Очередь медленно продвигалась, но за своими мыслями я не заметил, как оказался возле похоронного трона.

Из-за нарисованных глаз мне казалось, что Кира смотрит на меня, чуть насмешливо, с прищуром.

Я подошёл к ней.

Вблизи она была удивительно похожа на живую. В какой-то момент я даже представил, что она сейчас встанет, рассмеётся, скажет, что таких, как она похоронить не так просто. Но, разумеется, этого не произошло.

– Спасибо, – шепнул я, склонившись над её ухом, – и прости, что ничего не смог сделать.

Конечно, она не могла ответить. Но я ощутил словно отзвук внутри, который отчётливо донёс одну мысль: «В этом нет твоей вины. Удачи на звёздной дороге среди миров».

Поражённый, я отошёл в сторону.

До конца церемонии я прислушивался к себе, пытаюсь анализировать ощущения; понять, действительно ли мне удалось коснуться той, кто ушла, или же это было самовнушение под влиянием антуража.

После прощания Эльвира закатала кресло на помост внутри круга, но сама осталась снаружи. После этого пространство между гигантскими камнями будто наполнилось сгустившейся тьмой, погасив белый огонь, сиявший где-то внутри. Это продолжалось всего несколько секунд. А потом, когда тьма развеялась, кресло оказалось пустым.

На этом церемония закончилась.

О нашем месте знают только посвящённые Алой Ступени. Сюда, в отличие от неформальных клубов, вроде того, что был организован на старой космической базе, нет доступа обычным командам.

Оно находится в самом центре Москвы, на углу Воздвиженки и Староваганьковского переулка. Обыватели знают его как Музей Архитектуры.

Тут, прямо во дворе, находятся частицы великих заброшек прошлого, которые были лишены сердец нашими хантерами. Скульптуры и барельефы.

Мы собрались во флигеле, бывшем аптекарском доме. Таком старом, что он навёл мысли о допетровской эпохе, стрельцах и смуте.

И всё же здесь было уютно. Мягкие кресла, приглушённый свет. Приятный запах благородной старины в воздухе. Настоящий огонь в камине. Очень кстати, учитывая, что ночи уже прохладные – осень вступала в свои права.

После похорон нас не трогали целых два дня. Я даже успел навестить родителей, и мы кои-то веки просто спокойно общались. Под конец мама почему-то расплакалась и выдала: «Артём... ты теперь взрослый. Ты изменился». Я удивился тогда. Спросил: «Разве вы не этого всегда хотели?» И наорвал на растерянный взгляд отца. Он ничего не сказал – только обнял маму, когда я выходил из их квартиры.

И вот нас позвали на встречу. Доставили на нашей машине, новейшем «Аурусе», будто у чиновников каких. Это было странно, но приятно.

В зале нас было трое. Значит, речь пойдёт о нашем с Соней ближайшем будущем, которое напрямую не касается других членов Алой Ступени.

– Ну что, ребят. Хотите туда, где всегда лето? – Эльвира посмотрела на нас и подмигнула. Это жест и её тон совершенно не вязались с атмосферой мрачной таинственности, которая окутывала наше место. А, может, я всё ещё не научился его правильно чувствовать.

– Очень, – согласилась Соня, – очень хотим.

– Молодые, быстрые и дикорастущие, – улыбнулась глава Ступени, потом вздохнула, и снова стала серьёзной, – ребят, вы же понимаете, что я не могу дать вам тренировочное задание, которое, по-хорошему, вам бы не помешало. Другие команды проводят десятки успешных зимних сезонов прежде, чем заслужить кандидатство на Красную Ступень. Меня просто наши не поймут. Но сложилось как сложилось. Поэтому не считайте это за обычный занудный инструктаж у куратора. Знаю, у вас появится такой соблазн. Но, поверьте – всё гораздо серьёзнее.

– Мы знали, на что шли, – ответил я, мысленно представляя Сергея и стараясь скопировать его тон.

– Молодец, – одобрила Эльвира, – но в этой ситуации есть и плюсы. Если вы успешно отработаете хотя бы одну лока-

цию – больше к вам никаких вопросов не будет. До конца. Сможете даже участвовать в целеполагании и полноценных советах Ступени. Ясно?

– Ясно, – подтвердили мы.

– Итак. Для начала вы полетите в Гвинею, – начала Эльвира, и добавила, обратив внимание, как мы переглянулись: – да-да, ребятки. А вы чего ожидали? Аргентины? Бразилии? Ну так нет там заброшек нужного уровня. Все давно обработаны, в том числе местными!

– Где это вообще? – Соня всплеснула руками.

– Ничего, географию тебе придётся подтянуть, – Эльвира покачала головой, – а вообще – это жуткая дыра в Западной Африке, южнее Сахары.

– Африка... – заворуженно произнесла Соня.

– Да, детка, Африка, – ответила Эльвира, улыбаясь, – со всеми вытекающими. После встречи, сегодня, вы заедете в клинику и вам сделают две прививки. От жёлтой лихорадки и от лихорадки эбола. Слышали про такую?

– Слышал, – ответил я мрачно.

– Вылет через двадцать дней, когда антитела сформируются. Но это ещё не всё. Вам выдадут современные средства от малярии. Там объяснят, как принимать при первых симптомах. Ни в коем случае не потеряйте!

– А тоже прививку можно сделать? – спросила Соня, – чтобы не болеть совсем?

– К сожалению, нет сейчас таких прививок, – Эльвира

всплеснула руками, — но вы особо не переживайте. Малярия для местных — что-то вроде насморка. Переболеете наверняка. Главное вовремя лекарства начать принимать.

— Ладно, — кивнул я, — мы уже поняли, что отдохнуть не получится. Может, расскажете теперь, что мы доставать будем? И где?

— Расскажу, — кивнула Эльвира, — в общих чертах. Ситуацию в мире вы знаете. Так вот, у России в этой стране есть серьёзные экономические интересы. Добыча алюминия и золота. И вы знаете, что, пока наши интересы не затрагиваются — в дела национальных государств мы не лезем. Но тут так получилось, что компания, которая занималась добычей золота на руднике Лефа, кое-что обнаружила. Сначала этому не придали значения. Нам сбросили обычную объективку на археологический объект, и она бы, конечно, отправилась в архив, как в других подобных случаях. Но, к счастью, на месте оказались вдумчивые люди, и передали дополнительную справку, которая вызвала очень серьёзный интерес. Вы, конечно, за новостями не следите — но для вашего понимания, сейчас страна полностью закрыта от внешнего мира после военного переворота. Это сделано до того, как ситуация с находкой разрешится.

Я присвистнул.

— Мы что, так можем что ли? — удивилась Соня.

— Мы — нет, — ответила Эльвира, — по крайней мере, у нас ни разу такой потребности не возникло, за всю историю. Но

тут слишком много интересов затронуто. Не только клановых, но и государственных. Наши дома и официальные власти вынуждены были действовать сообща, на время забыв о разногласиях.

– Да что же такого они там обнаружили? – я пожал плечами, – у меня воображение отказывает!

– Действительно, даже самые ценные заброшки у нас никогда не вызывали разногласий или претензий среди домов, – заметила Соня, и добавила в ответ на мой удивлённый взгляд: – Я специально интересовалась.

– Нас одиннадцать, – сказала Эльвира, – любой из нас обладает большим опытом. Понимаете теперь? Но ваш опыт, скажем так, несколько... уникален.

Я понял сразу. До Сони дошло спустя секунду, учитывая, что она успела набрать в лёгкие воздух, чтобы задать вопрос. Она сообразила, глядя на меня. Тихо выдохнула и откинулась на спинку кресла.

– Не может быть, – произнесла она.

– Я вот тоже так считала, – согласилась Эльвира, – но у нас есть все основания полагать, что устойчивая заброшка с сердцем, которую мы обнаружили, имеет неземное происхождение.

Часть 1. Гвинея

Глава 1

Ровно через двадцать дней после прививок мне на мобильник пришло сообщение: «В 16.00 у вашего дома. С собой все документы, справки о прививках, лекарства, личные вещи на 1—2 месяца. Продукты на 1—2 дня». Название отправления отсутствовало – но оно и не требовалось. Что ж. Я рассчитывал, что Эльвира хотя бы позвонит лично – но мало ли чем она была занята прямо сейчас? Может, улетела куда. Или рассматривала новые заявки на Алуя Ступень.

После нашего летнего приключения жизнь продолжалась. Это надо было признать.

Соня спала до обеда, и я не стал её будить. Времени на сборы было более, чем достаточно.

В назначенный срок внизу нас ждал не представительский лимузин, как я думал, а обычный микроавтобус. Водитель был настолько неразговорчивым, что даже не ответил на приветствие.

До последнего я надеялся, что хотя бы самолёт нам выделят комфортный, представительский. Чтобы борту можно было отлично выспаться и отведать высокой кухни. Но не тут-то было.

Там нас высадили прямо на взлётной полосе, где стоял Ил-76. Это такой грузовой самолёт, в норме не приспособленный для перевозки пассажиров. Если, конечно, не считать военных. Как мне объяснили позже – с этого самолёта даже десант на парашютах выбрасывают.

Вот, для десанта, наверно, оно нормально. Но для обычных людей, вроде нас с Соней, так себе.

Внутри, вдоль бортов, располагались ряды жёстких сидений. Единственная пара иллюминаторов находилась примерно в середине салона.

Как только мы оказались на борту, люк на боку, через который мы попали внутрь, закрылся. Из кабины вышел мужик в синем лётном комбезе. Окинул нас недоверчивым взглядом.

– В туалет сходили? – неожиданно спросил он.

– Ч-что? – переспросила Соня, растерянно захлопав глазами. —

– Да ладно, – улыбнулся лётчик, – шучу я. Это новая модификация, тут есть сортир. Вон, возле ramпы, – он указал в сторону хвоста, – поэтому можете наслаждаться. Если проголодаетесь – там вон, – он кивнул в сторону ящика справа от входа в кабину, – сухпайки есть. И вода.

– Спасибо, нас предупредили, – ответил я, вежливо кивнув в ответ, – мы взяли перекусить.

– А одежда? – продолжал лётчик, – на эшелоне внутри будет прохладно.

– Мы куртки и кофты взяли, – уверила его Соня, – на случай, если возвращаться придётся до весны.

– Добро, – одобрительно кивнул лётчик, – на взлёте держитесь. С места не вставайте.

– А пристегнуться, там?.. – осторожно спросил я, – не надо?

– Ну, если найдёте, где и чем, то пристёгивайтесь, – он пожал плечами, – я багажом не летал ни разу, так что понятия не имею, что и как. Но держаться надо точно, – он подмигнул нам и скрылся в кабине.

Мы сели возле иллюминатора. Никаких ремней я тут не обнаружил, поэтому просто схватился покрепче за спинку, прикрыв Соню, которая замороженно смотрела за тем, как мелькают стыки бетонных плит.

– Интересно, долго лететь? – спросила Соня, когда мы набрали высоту.

– Долго, – уверенно кивнул я, – это ж Африка.

– Блин, надо было книжек взять почитать, – сказала она, – не сообразила.

Я в телефон киношек накачал. Давай поужинаем и посмотрим что-нибудь?

– Арти, ты чудо! – улыбнулась Соня и чмокнула меня в щёку.

Знать бы заранее, что мы полетим в таких условиях – я бы захватил с собой футбольный мяч. Ну, или ракетки для

бадминтона. В огромном пустом салоне вполне можно было заняться подвижными видами спорта.

После ужина, состоявшего из бутербродов с колбасой и варёных яиц, мы собрались спать. И тут выяснилась ещё одна интересная деталь: туалет, о котором говорил лётчик, был открытым. То есть, совершенно. Блестящий унитаз из нержавеющей стали стоял прямо на палубе, слева от открытой рампы.

А ещё тут не было раковины, чтобы хотя бы руки помыть. Но хорошо хоть Соня додумалась набрать влажных салфеток.

Когда подошла её очередь, она заставила меня охранять выход из кабины пилотов. И я честно стоял на посту, повернувшись спиной, пока не получил команду «Отбой».

– Интересно, а что, когда тут десантников грузят – они тоже вот так, прямо перед всеми в туалет ходят? – всё никак не могла оправиться от культурного шока Соня.

– Не знаю, – я пожал плечами, – был бы Сергей тут – он бы объяснил.

– А если по-крупному приспичит?

– Слушай, хватит ужасов на ночь, а? Спать давай.

И тут, словно в ответ на мои слова, основное освещение в салоне погасло.

Через несколько секунд открылась дверь в кабину пилотов. Вышел всё тот же лётчик.

– Ну что, молодёжь? – спросил он, – освоились?

– Вроде как, – ответил я, пытаюсь устроиться поудобнее на узкой полке.

– Так, а теперь отвернулись, – сказал он, и прошёл уверенным шагом в хвост. Соня повернулась на бок, спиной к проходу.

Когда мы проснулись, за иллюминатором было яркое солнце, а внизу – стерильно-белое покрывало облаков.

– Как же горячего кофе не хватает! – огорчилась Соня, глотая воду из бутылки.

Мы собрались завтракать, достав бутерброды. И тут снова появился лётчик, с прозрачным кувшином в руке, где плескалась чёрная жидкость.

Он подошёл ближе, по салону распространился характерный запах.

– Ох... – выдохнула Соня, подставляя свою кружку, – вы ангел небесный!

– Ну, молодёжь, – ухмыльнулся явно польщённый лётчик, – вот вам и первоклассный сервис!

– Спасибо большое, – сказал я, тоже подставляя свою кружку.

Кофе был ароматным, но некрепким. И это, скорее, было хорошо: всё-таки сон в гулком прохладном салоне на узкой и твёрдой скамье это не совсем то же самое, что полноценный сон дома. Плюс разница во времени.

– На здоровье, – ответил лётчик, и повернулся, чтобы вернуться на рабочее место.

– А вы один ведёте самолёт, да? Сейчас мы на автопилоте? – спросила Соня.

Лётчик сначала рассмеялся. Потом вдруг стал серьёзным и ответил:

– Ребят. Допуск из всего экипажа только у меня. Поэтому большая просьба: в кабину не пытайтесь заглянуть. А то у ребят неприятности будут, серьёзные.

– Ясно, – вздохнул я, – спасибо.

– На здоровье, – повторил лётчик, после чего, секунду поколебавшись, добавил: – мне совсем неинтересно, кто вы. И за каким чёртом вас туда несёт. Но я искренне желаю вам удачи.

После этого он ушёл быстрым шагом и захлопнул за собой люк.

– Спасибо, – в третий раз повторил я, обращаясь к закрытому люку.

– Очевидно, он тебя не услышал, – заметила Соня.

– Это ничего. Просто примета такая, – ответил я, – надо всегда отвечать «спасибо», когда тебе желают удачи.

Когда мы пробили слой облаков, внизу оказалось море. Оно было необычного оттенка, совсем не похоже на Чёрное или Балтийское. Какое-то тёмно-бирюзовое.

Берег был изрезан многочисленными ручейками. Кое-где виднелись возделанные поля, а прямо по курсу был довольно большой город.

Ещё минута – и самолёт коснулся полосы. Сработал реверс, загудели движки, поднимая волну мелкой водяной пыли перед самолётом.

Мы замедлились. Потом поехали по рулёжке в сторону терминала, где были даже телетрапы. Похоже, эта Африка не настолько дикое место, как нас пугала Эльвира.

Однако же до самого терминала мы не доехали. Самолёт замер на внешней стоянке. Шум двигателей медленно стихал.

Я подошёл к люку и поглядел через маленький иллюминатор наружу. К нам подъехал внедорожник. Оттуда выскочил какой-то парень в чёрной ветровке и направился в нашу сторону.

– А ну-ка, посторонись! – услышал я из-за спины; лётчик снова вышел из кабины, – пора вам, ребятки, дальше.

Он упёрся в рычаг на люке, сдвинул его в сторону и отрыл проход. После этого спустил небольшой трап и металлических переключателей, который со скрежетом коснулся асфальта на перроне.

– Привет! – крикнул парень в чёрной ветровке на прекрасном русском, – добро пожаловать!

– Давайте, ребят, – добавил лётчик, – у нас график строгий. Не мешаем.

Я подумал вдруг, что даже не узнал, как его зовут. Но, наверно, так было надо.

– Артём и Соня, верно? – спросил встречающий. Теперь

я мог разглядеть его подробнее. Лицо странное: черты вроде бы европейские, но кожа какая-то пепельно-серая. Плюс карие глаза и чёрные, выющиеся волосы, которые были коротко пострижены, – меня зовут Адриан, – он протянул руку.

Я ответил на пожатие.

– Нам сюда, – продолжал Адриан, указывая в сторону внедорожника, и добавил, обращаясь к Соне, – давайте помогу с чемоданом.

– Спасибо, – ответила она, – мне не сложно. Тут асфальт ровный, катить удобно.

– Ну о'кей, – Адриан пожал плечами и двинулся вперёд.

Только теперь я почувствовал, как здесь жарко. Жарко и влажно. Моя майка мгновенно намокла. И как это парень умудряется носить ветровку?

– Повезло вам, – говорил Адриан по дороге, – обещали шторм, но он стороной прошёл. В это раз, – он хихикнул, – а вообще сезон дождей ещё не закончен. Вот прилети вы через месяц – тут было бы намного приятнее! Хотя жарковато, да.

Внутри внедорожника, на третьем ряду сидений, сидели два вооружённых охранника европейской внешности. Эдакие крутые парни в солнцезащитных очках с большими стволами.

Оружие меня нервировало. По крайней мере, если оно не было в руках Сергея.

– Далеко ехать? – спросил я.

– Нет, тут рядом, – улыбнулся Адриан.

– Рядом? – удивилась Соня, – рудник прямо возле города?

– Рудник? – Адриан, занимавшись переднее пассажирское сиденье, оглянулся и поднял брови, – не-е-ет, мы в гостиницу едем! Перелёт запланирован на утро.

Мы выехали с территории аэропорта. И теперь я понял, что не так уж Эльвира была не права, когда давала оценку этой стране.

Город выглядел, как будто тут совсем недавно велись интенсивные боевые действия. Некоторые дома представляли собой бетонные остовы, поросшие мхом и другой влажной растительностью, лишь кое-где перекрытые неряшливыми кусками картона. Прямо вдоль дороги были стихийно построены хижины, из самых разных материалов – от пенопласта до полиэтилена и кусков пластика. Среди всего этого сновали люди. Стоило только внедорожнику чуть замедлиться – как возле окон мгновенно появлялись подозрительные личности, норовящие заглянуть внутрь салона.

Об организации дорожного движения не стоило и говорить: её просто не было. Люди, автомобили, многочисленные мопеды сновали совершенно хаотично. Чудо, что мы никого не задавили по дороге.

Когда мы проезжали очередной перекрёсток, я заметил памятник: статую какого-то человека, позеленевшую от влажности.

– Вы хорошо говорите по-русски, – заметила Соня, – учились где-то у нас?

– А, – ответил Адриан, – я сам русский. Ну, наполовину. У меня русская мама, и я полжизни прожил в Питере.

– Вот как? – сказал я, – а здесь как, в командировке?

– Да нет, – улыбнулся Адриан, – перебрался на постоянку. Уже скоро восемь лет как. Тут оно как-то проще. Наших много, работа есть.

– Наших? – переспросила Соня.

– Русских, в смысле, – ответил сопровождающий, – бокситы, золото... тут наш капитал капитально вложился, – он хихикнул, должно быть, довольный каламбуром.

Гостиница находилась на берегу океана. Мы остановились у входа, и сначала из машины вышли охранники. Потом мы с Соней. Адриан последним захлопнул дверцу.

– Заселитесь, примете душ – потом предлагаю съездить на ужин. Тут есть отличная кафешка на берегу. С поваром я уже связался, нас ждут.

– Звучит отлично! – улыбнулась Соня.

Я тоже согласно кивнул.

За стойкой ресепшн стоял грузный, даже полный человек, хорошенько за сорок, судя по седым волосам. Из местных, судя по эбонитово-чёрному цвету кожи.

– Good morning! – обратился я.

Тот ничего не ответил, только недоумённо хлопал глазами, попеременно глядя то на меня, то на Адриана.

– Bonjour. Réservation au nom de famille Sukhov. Deux chambres, – произнёс он.

– Oh, oui. Tout est prêt. Voici les clés, – пробасил портье.

– Это что, французский? – тихо спросил я Соню.

Она посмотрела на меня, округлив глаза.

– Ты что, вообще ничего про страну не читал? – спросила она.

Нет, я, конечно, лазил в интернете. Но информация о языке, который тут в ходу, прошла как-то мимо внимания.

– Это франкофонная страна, – ответила Соня, – наследие колониальной эпохи. Французский тут официальный.

– Ну блин, – я развёл руками, – знал бы, конечно, выучил бы.

Честно говоря, в номере было грязновато. Но после многочасового перелёта в грузовом самолёте душ был очень кстати, поэтому на мелкие неудобства я решил не обращать внимания.

Адриан с охранниками ждали нас внизу.

– Документы, деньги, ценности взяли с собой, надеюсь? – спросил он, увидев нас налегке.

– Я – да, – ответил я и кивнул.

– Я тоже, – добавила Соня, – сейф найти не смогла что-то. Странно, конечно – я думала в таких крупных отелях они всегда есть.

– Только не здесь, – осклабился Адриан, – как раз, чтобы гости ничего не оставляли. Бывают разные инциденты, знаете ли.

Снова поездка через городской хаос. Глядя на трущобы,

я тревожно смотрел на небо: совсем не хотелось думать, каково здесь по ночам. Даже с двумя вооружёнными людьми на борту было как-то тревожно.

Кафешка, куда нас привезли, находилась на охраняемой территории, прямо на пирсе, который довольно далеко выдавался в море. С другой стороны бухты виднелись портовые краны. До них было достаточно далеко, чтобы шум и огни порта не мешали наслаждаться морским воздухом.

– Я бы рекомендовал барбекю. Мясо или курицу на углях, – сказал Адриан, когда мы заняли пластиковые кресла вокруг грязноватого стола. – Плюс печёные овощи. Их я уже заказал.

– Как-то банально очень, – Соня наморщила носик, – будто в Подмоскovie на дачу приехали... а есть что-нибудь местное? Экзотическое?

– Экзотическое? – Адриан почесал затылок. Потом подошёл к стойке в дальнем конце открытой веранды, на которой мы сидели, и достал ламинированное меню, – ну вот, могу предложить «Филе де маниок», – сказал он.

– Филе маньяк? – Соня округлила глаза.

– Маниок, – ответил Адриан, – местный овощ. Очень популярное блюдо. С томлёной говядиной.

– О, пойдёт, – улыбнулась Соня.

Однако я не последовал её примеру и заказал себе курицу на углях.

Она оказалась вполне съедобной, а вот Соне принесли

нечто, коричневое, жидкое, в глубокой миске. Оно странно пахло. Я мысленно рассмеялся, умудрившись сохранить серьёзное выражение лица.

– Филе де маниок? – в этот раз Соня правильно произнесла название блюда.

– Ага, – кивнул Адриан, – для местных деликатес. Как вы заметили, люди тут живут довольно бедно, и мясо в цене. Что, конечно, совершенно несправедливо, учитывая, насколько эта земля богата разными ресурсами.

– Местные, наверно, не сильно любят европейцев, да? – кивнул я с пониманием.

– Да как сказать, – Адриан вздохнул, – до недавнего времени возможность перебраться во Францию была социальным лифтом. Уезжали лучшие, самые умные и трудоспособные. Кому было поднимать страну? Ну и к разным европейцам отношение разное. Русских тут хорошо помнят ещё по временам Советского Союза. Тогда было сделано много полезного для народа.

– А французы? До сих пор воспринимаются как жители метрополии?

– Только с местными такие вопросы не обсуждайте, – улыбнулся Адриан, – но да. Так и было. Однако полной интеграции не было никогда. Я заметил, что многие люди, когда говорят о колониальной эпохе, думают, что страны были оккупированы веками. Однако на деле это далеко не так. Французское владычество в Гвинее продолжалось всего несколь-

ко десятилетий. Конечно, ни о какой полной культурной интеграции не могло быть и речи. Тем более, что различия никуда не девались.

Адриан взял с тарелки кусок мяса и начал жевать. Соня, покопавшись в коричневой жиже, всё же решилась попробовать её на вкус.

– А не так плохо! – сказала она, – чем-то напоминает гороховую кашу с картошкой. А как этот маниок выглядит, как сказать, в натуральном виде?

– Как картошка и выглядит, – ответил Адриан, когда прожевал мясо.

– И что, обязательно его было мять в пюре? – нахмурилась Соня, – кусочками интереснее было бы.

– Не едят его кусочками, – вздохнул гид.

– Это ещё почему? – спросила Соня.

– Смертельно опасно, – Адриан пожал плечами, – прежде, чем маниок будет пригоден в пищу, его надо мелко порезать или перетереть, после чего оставить на несколько часов на открытом воздухе, чтобы испарилась синильная кислота.

Мы с Соней переглянулись. Потом я не выдержал, засмеялся в голос.

– А ты отличный парень! – сказал я, – чувство юмора у тебя точно наше!

– Какой юмор? – Адриан удивлённо захлопал глазами. Я осёкся.

– Насчёт синильной кислоты, – произнесла Соня, – ты

ведь не серьёзно, да?

– Да это даже дети знают! – гид всплеснул руками, – без обработки маниок смертельно ядовит.

– Блин, я и не подозревал, что у гвинейцев так много общего с японцами, – заметил я.

– Общего? – Адриан снова посмотрел на меня растеряно и даже как-то затравленно.

– Ну, японцы едят рыбу фугу, – ответил я, – если её приготовить неправильно, можно отравиться насмерть. У них этому учатся специальные повара, много лет. Европейцы заказывают фугу, когда хотят испытать острые ощущения. Потому что кто-то периодически всё-таки травится.

– Ну, во-первых, маниок едят не только гвинейцы, а вообще вся Африка, – заметил гид, – а во-вторых не ради острых ощущений и не от хорошей жизни. Это не самая здоровая еда, даже после обработки. Но если бы не маниок – есть было бы совсем нечего. Понимаете? – он вздохнул и добавил: – я мечтаю, что когда-нибудь мы выберемся из этой задницы, где мы находимся сейчас. И сможем перейти на нормальную пищу, как европейцы.

Я отметил про себя это «мы». Хоть парень и представился «наполовину русским», но, похоже, он ощущает себя местным в гораздо большей степени.

– Это было бы справедливо, – дипломатично заметил я.

– Конечно! – горячо согласился Адриан, – когда полетим завтра, вы увидите, насколько наша страна богата. Тут есть

уран, алюминий, золото... мы не уступаем Европе по древности культуры. Да что там: мы сами толком не знаем, что у нас на самом деле есть. Потому что изучать было некому.

– Интересно, а почему местные даже между собой говорят на французском? – спросила Соня.

– Далеко не всегда, – улыбнулся Адриан, – французский – это язык межнационального общения. Универсальный. Как английский в Индии.

– У вас много национальностей? – спросил я.

– Три основных, и ещё много мелких. Это большая страна. Больше, чем кажется из Европы.

– Да, – согласилась Соня, – вероятно, вы правы.

– Понимаю, что сейчас вы видите нищету и неустроенность. Но, поверьте, мы добиваемся прогресса. Было гораздо хуже, – вздохнул Адриан, – мир меняется, и у нас появляется шанс. И то, что вы направляетесь изучать, может спасти очень много жизней. Вытащить из нищеты.

Гид понял, что увлёкся и сболтнул лишнего. Он опустил глаза, и принялся жевать очередной кусок говядины.

– Что вы об этом знаете? – всё-таки решился спросить я через минуту. В конце концов, Эльвира не накладывала никаких ограничений на общение с местным, да и Адриан не русский лётчик, чтобы следовать каким бы то ни было «допускам».

– Не многое, – вздохнул гид, – проклятое место, по мнению местных. Ну а как иначе? Все древности у нас считаются

табу, местные стараются обходить их. И, наверно, правильно делают.

– И что, много у вас таких мест? – поинтересовалась Соня.

– Дофига и больше, – улыбнулся Адриан.

– А что значит «проклятое»? – продолжала Соня, – что будет, если там побываешь?

– Ну, считается, что в заброшенных местах водятся гули, – ответил гид, пожав плечами, – но это, скорее, арабское влияние. Мы мусульманская страна, знаете ли, со всеми вытекающими. И нечисть у нас тоже арабская. Конечно, у местных племён есть свои названия для злых духов и оборотней. Но про гулей знают все.

Соня посмотрела на меня многозначительно, но я промолчал.

Глава 2

Вставать пришлось довольно рано, в шесть по местному времени. Адриан разбудил меня звонком с ресепшн. Вставать было тяжело: сказывался джет—лаг, и общее утомление от обилия впечатлений.

Кое—как приняв душ, я спустился в столовую. Тут был накрыт довольно скучный по европейским меркам шведский стол, но яичницы и бутерброда с сыром мне вполне хватило для того, чтобы насытиться.

Соня присоединилась ко мне минут через пять. Судя по её виду, она вообще не спала.

– Эй! – я окликнул напарницу, когда она появилась в дверном проёме, – сюда!

Она медленно, как сомнамбула, подошла и опустилась на стул. Я налил ей кофе из стеклянного кувшина.

– Спасибо, – кивнула Соня.

– Ты как вообще?

– Да не очень, – она покачала головой, – вроде окна закрыты были – но Арти! Вокруг меня всю ночь летали комары! Я пшикала средством каждые пятнадцать минут, а оно дико вонючее, у меня от него голова болит! А через полчаса они опять жужжать начинали! И под одеялом было дико жарко, а вылезти – страшно!

Я недоумённо заморгал.

– Ты чего? Забыл, что тут малярия повсюду?

– А-а-а, – кивнул я, – вот оно что...

– Я не хочу болеть!

– Слушай, у нас есть хорошее лекарство, – заметил я, – переживать нечего! Да и далеко не каждый комар несёт заразу.

– Не каждый? – с надеждой спросила Соня.

– Нет, конечно! – убеждённо кивнул я, хотя на самом деле такого твёрдого убеждения у меня не было, – не переживай.

– Ладно, – кивнула напарница, – но спать дико хочется!
И голова болит.

– Конечно, если ты спала в жаре и с химией, – усмехнулся я, – давай я принесу тебе йогурт.

– Спасибо, Арти!

После завтрака мы снова поехали в аэропорт. В этот раз вместо огромного транспортника нас ждал мелкий самолёт-стик с винтовыми двигателями, чья кабина напоминала салон маршрутки.

Когда мы вырулили на стоянку, миновав охрану аэропорта, лётчики уже сидели за штурвалами. Кроме Адриана в салон забрались целых четыре вооружённых охранника.

– Интересно, а парашюты тут есть? – попробовал пошутить я, пристёгивая ремни безопасности, которые казались игрушечными.

– Под сиденьями, – на полном серьёзе ответил Адриан.

Я наклонился. И действительно: под двумя рядами передних сидений лежали штуковины, похожие на рюкзаки с лямками.

Соня побледнела.

– Я не хочу прыгать, – сказала она.

– Надеюсь, и не придётся, – обнадёжил Адриан.

После этого самолёт запустил двигатели, и разговаривать стало сложно: от шума закладывало уши.

Перелёт был долгим, часа два, как мне показалось. Точнее я бы не сказал – поскольку не засёк время вылета.

Под нами расстилались влажные леса, которые кое-где перемежались небольшими деревеньками, реками и грунтовыми дорогами. Деревенские строения выглядели забавно: благодаря покатым круглым крышам их скопление здорово походило на гнездо опят в осеннем лесу.

Когда мы заходили на посадку, рельеф начал меняться. На горизонте появились небольшие плоские горы, с редкими отвесными скалами и, как мне показалось, даже водопадами.

Самолёт приземлился на грунтовой полосе. Местная почва была красной, глинистой. «Будто напитанной кровью», – почему-то подумал я.

В конце полосы нас уже встречали. Два внедорожника, с белыми крышами и рыжими, заляпанными местной грязью бортами. Возле них три человека в серых комбинезонах и зелёных светоотражающих жилетах.

Первым вышел Адриан. Он сразу направился к встреча-

ющим и с каждым поздоровался за руку. Потом вышли вооружённые люди в камуфляже. И только затем мы.

К нам подошёл один из встречающих, седой мужчина европейской внешности, под шестьдесят лет. Подтянутый, даже спортивный.

– Добрый день, – он протянул мне руку, – меня зовут Александр, я главный геолог рудника Лефа.

– Очень приятно, – я ответил на рукопожатие, – я Артём. Можно просто Арти.

– Взаимно, Арти, – ответил геолог, – а кто ваша прекрасная спутница?

Удивительно, но Соня покраснела и опустила глаза, подавшись нехитрому комплименту. Ну вот, всегда подозревал, что ей нравятся мужчины постарше, но чтобы настолько?..

– Соня, – произнесла она, протянув ладонь; Александр взял её и деликатно поднёс к губам.

– Добро пожаловать на Лефу, – сказал по-русски с заметным мягким акцентом рослый, чуть полноватый темнокожий мужчина, – я Антуан. Эйчар рудника.

– Приятно, – кивнул я, отвечая на рукопожатие. Соня поступила так же.

Третьей встречающей была женщина, яркая и фигуристая блондинка, лет за тридцать.

– Анна, – представилась она, – руководитель медицинского направления. Врач.

– Давайте разместим вас в лагере, – предложил Александр, – потом будет время переговорить.

Я и Соня забрали чемоданы. Их пришлось тащить вручную до машин – на полосе было слишком много грязи, и тут помощь Адриана оказалась как нельзя кстати.

Мы ехали по какому-то просёлку, мимо карьеров и редкого леса. Дорога, как мне показалось, была не в лучшем состоянии, и вскоре я понял почему – когда мы разминулись со здоровенным карьерным самосвалом.

Минут через десять мы миновали КПП, и въехали на территорию, со всех сторон огороженную забором из сетки-рабицы с колючей проволокой наверху. Я понимал, что это необходимо для безопасности – всё-таки места дикие, но не мог отделаться от аналогии с местом лишения свободы.

Впрочем, внутри было довольно мило: несколько одноэтажных корпусов, напоминающих коттеджи, крытые площадки для барбекю, теннисный корт и даже бассейн.

– Устраивайтесь, – предложил главный геолог, когда мы вышли из машин, – минут через пятнадцать будет готов обед. Адриан проведёт вас в столовую.

– Хорошо, – кивнул я, – спасибо!

И мы направились в сторону одного из жилых корпусов, в сопровождении гида, который уже успел добыть у администратора ключ от нашей комнаты.

Тут было чище, чем в отеле. Идеальные полы, свежайшее

постельное бельё, стерильная сантехника в душевой. У меня даже настроение сразу поднялось.

– Могли бы отдельные номера выделить, – ворчала Соня.

– Если хочешь, могу попросить, – ответил я, – мне кажется, они просто решили, что нам так будет удобнее.

– Нет! – резко ответила напарница, – не надо. Так норм.

Я пожал плечами и улыбнулся.

Адриан вернулся всего через двадцать минут. Я даже не успел зайти в душ, а это, как мне казалось, было совсем не лишним после перелёта, учитывая влажную жару и духоту. Но пришлось повременить с гигиеной.

– Кстати, как далеко мы летели? – спросила Соня, по дороге в столовую, – два часа на самолёте это прям нереально. Я даже не думала, что страна настолько огромная!

– Почти семьсот километров, – улыбнулся Адриан, – и это около половины территории.

– Солидно, – кивнул я, – и дорог внизу я как-то не заметил.

– Дорога есть. Но такая, обычная. Как и везде. В сильный дождь лучше не ехать.

Когда мы пришли в столовую, я даже не удивился, обнаружив, что основное блюдо – опять мясо на углях. Судя по всему, барбекю – это какой-то фетиш здесь. По крайней мере, среди состоятельных людей и экспатов.

Внутри нас ждал тот же состав, что встречал нас на аэродроме: геолог, врач, кадровик. Хорошо хоть вооружённая

охрана исчезла. Они как-то давили на психику, особенно в контрасте с Сергеем. Тот был более общительный и... не знаю, внушающий доверие, что ли? Это же были чужаками с холодными глазами хищников.

– Ну что ж. За проезд! – Александр поднял стакан с минералкой.

– Спасибо, – ответил я, поднимая в ответ чашку с чаем, который успел налить у стойки раздачи.

– Как долетели, кстати? Без приключений? А то с погодой до последнего были непонятки.

– Тихо и спокойно, – вмешался Адриан.

Геолог метнул в его сторону строгий взгляд, но промолчал.

– Когда планируете приступать... к работе? – осторожно спросил Александр.

– Чем раньше, тем лучше, – ответил я, и добавил, скорее, из озорства, чем с реальным беспокойством: – ситуация не самая простая, не так ли?

В ответ на этот невинный вопрос у местных словно полтину сорвало. Они заговорили все одновременно:

– И не говорите! – сказал Александр.

– Да сколько же можно было! – вставила Анна.

– Это нереально, нереально! – переживал, размахивая руками, чернокожий кадровик.

Мы с Соней удивлённо хлопали глазами, глядя друг на друга.

– Ребят. Честно. Мы не хотим лезть в ваши дела, – добавил геолог, когда все успокоились, – но нельзя так с людьми. В самом деле. Ваши хоть представляют, чего нам стоило сохранять производство? Какую-то логистику наладить? При такой степени изоляции! Да, было несколько бортов из России – но это капля в море, совсем не серьёзно... а, впрочем, ладно. Я... мы все очень рады, что вы, наконец, прибыли. И очень рассчитываем, что, наконец, разберётесь с этим делом.

– Сделаем всё, что в наших силах, – дипломатично ответил я.

– Спасибо, – кивнул Александр, – и это... не подумайте чего, но всё же интересно. Почему так долго?

– Понимаете, какая ситуация, – сказал я, сложив пальцы домиком перед собой, – дело в том, что о существовании самого вопроса лично мы – я и Соня – узнали только двадцать дней назад. И прилетели сразу, как начал действовать сертификат о прививке.

– Вот как? – Александр и Анна переглянулись.

– Скажите, как далеко интересующее нас место? – спросил я.

– Не далеко совсем, – ответил геолог, – в конце прошлого сезона мы начали изыскания в том районе, чтобы расширить доказанные запасы по JORK. Я убеждён, что там находится рудное тело, об этом говорят выявленные особенности местной синклинали, что, с учётом гидрологической обстановки...

– Саша, – оборвала его Анна, – уверен, такие подробности, безусловно, интересны. Но едва ли помогут нашим гостям в ближайшее время начать работу.

– Да... да, ты права. Извини... те, – геолог почесал затылок, – в общем, объект чудом не повредился во время взрывных работ. Как только мы с уверенностью определили искусственное происхождение кладки, мы...

Геолог снова осёкся, наравшись на взгляд кадровика.

– Ладно, – кивнул он, – мы не сразу доложили о находке. Только тогда, когда пошла, что называется, реакция снизу. Понимаете, о чём я?

– Не совсем, – признался я, – поясните, пожалуйста.

– Понимаю, это может для вас быть странным, – заговорил Антуан; очевидно, он немного волновался, поэтому не всегда корректно строил фразы на русском, – но это место, было защищено общиной. Мы очень долго договаривались и сошлись на хорошей компенсации. Но при том условии, что мы забираем... как это сказать?

– Берём на себя проклятие, – ответил за него Адриан, – после особого ритуала.

– Слушайте, вы же говорили, тут мусульмане живут? – спросил я.

Адриан только развёл руками.

– Да, предварительные исследования не показывали никакой аномалии в этом районе. Мы проводили зондирование и сейсмосканирование, с довольно частой сеткой. Подобно-

го объекта, судя по результатам, там просто быть не могло. Понимаете?

– Ясно, – кивнул я, хотя на самом деле мне далеко не было ясно, – а скажите, кто-то уже был внутри? Пытались проникнуть?

– Нет! – Ответил Александр.

– Да! – Одновременно с ним произнесла Анна.

Они встретились глазами, и геолог всплеснул руками.

– Ну, если считать тот случай, – сказал он.

– Что за случай? – спросил я.

– Рабочий, который закладывал заряды, проверил место сразу после взрыва, – сказала Анна, – увидев кладку и проход, он забрался внутрь...

– Это не доказано! – вмешался Александр.

– Проба у него на ботинках, – мягко произнёс кадровик, – помните? Вы сами проводили анализ.

– Ребят, давайте по фактам всё-таки, а? – попросил я, – мы не прокуроры тут. У нас совершенно другая задача.

Александр вздохнул и добавил:

– Тот рабочий... он в лазарете сейчас. Мы планировали эвакуировать в нашу клинику в Конакри, но Анна не даёт добро на транспортировку.

– Потому что я считаю, что это может быть для него опасно, – прокомментировала врач.

– Болезнь? Инфекция? – насторожился я.

– Нет, что вы, – Анна помотала головой, – это проверили

в первую очередь! Скорее, похоже на нервное расстройство.

– Он бредит, – добавил Александр, – почти всё время. Но при этом его физическое состояние стабильное.

– А этот его бред, – продолжал я, – он какое содержание имеет?

– Сложно сказать, – вздохнул Антуан, – он из народа налу. Бредит в основном на своём родном языке. А больше у нас на руднике налу нет.

– Иногда куски молитв на французском произносит, – вздохнув, добавила Анна, – и это странно, потому что он не католик.

– Ясно, – кивнул я.

– Так когда вы планируете приступить к работе? – спросил Александр, глядя на нас со смесью надежды и раздражения.

– Да мы готовы в любое время, – я пожал плечами.

– Ясно, – ответил геолог, – тогда завтра. Если вы не против. После завтрака Адриан возьмёт охрану и отвезёт вас на место. Вам что-то понадобится ещё? Инструменты? Инвентарь?

– Нет-нет, спасибо, – ответил я, – всё необходимое у нас с собой, – на самом деле я не был так уж уверен, хватит ли нам простого снаряжения и моего планшета, поэтому на всякий случай добавил: – если что мы попросим.

– Хорошо, – кивнул Александр, – что ж. Приятного аппетита всем.

Это пожелание выглядело удивительно неуместно.

Как выяснилось чуть позже, в жилом городке можно было найти даже такие блага цивилизации, как прохладное пиво. Немного побродив по территории после ужина, мы взяли в буфете пару запотевших банок и устроились в шезлонгах у бассейна.

– Мне это совершенно не нравится, – заявила Соня, удивившись, что вокруг нет лишних ушей.

– А по мне так отлично сидим, – я пожал плечами и сделал глоток.

– Ты знаешь, о чём я. Заброшка похожа на могилу.

– Что-то не слышал, чтобы стражи вызывали психические расстройства, – я пожал плечами, – обычно они просто убивают.

– А что мы вообще можем знать про могилы пришельцев? – ответила Соня, – и вообще, я сначала подумала, что Эльвира говорила про наш опыт с этими, – она указала пальцем на небо, – но, похоже, она имела в виду этих, – теперь она указывала пальцем на землю.

– Она бы сказала, – убеждённо ответил я, – если бы точно знала, что это могила.

– Ну так, значит, она знала не точно. Арти, я просто напомнить: Баси сейчас с нами нет. Мы не отобьёмся если что.

– Во-первых, мы пойдём днём, – ответил я, – во-вторых – при малейших признаках линяем. Мы с могилами работать не подвязывались, и все это знают.

– Согласна. Отличный план, – она вздохнула, – Арти, меня другое беспокоит.

– Что же? – спросил я, любуясь закатом над джунглями. Это действительно было очень красиво: облака закручивались перламутровыми узорами на фоне густой зелёной листвы.

– Мне до сих пор книга по ночам снится, – ответила Соня, – она ведь никуда не делась. Да, хранилище – довольно надёжная штука. Но не абсолютно надёжная. Понимаешь? Пока она существует в нашем мире, всегда есть опасность, что кто-то её применит.

Я вздохнул и поставил банку с пивом на пластиковый столик.

– В мире довольно давно есть ядерное оружие, – сказал я, – и мы пока ещё живы.

– Да. Но особенность этой штуковины в том, что она не вызовет гибель вообще всего мира. Только тех, кто не успеет защититься от потока информации. Это страшно, Арти. Если честно – я даже в наших до конца не уверена. В случае, если нас загонят в угол – как думаешь, что остановит Эльвиру от использования этого последнего аргумента?

– Само его существование, – ответил я, – не позволит возникнуть такой ситуации, когда мы будем загнаны в угол.

– Да, – согласилась Соня, – именно. Теперь понимаешь, насколько эта штука опасна и желанна?

Я понимал.

– Никто не снимает с повестки вопрос её уничтожения, – ответил я, – как только мы найдём способ сделать это без-опасно.

Соня покачала головой.

– Иногда мне кажется, что ты искренне в это веришь... – сказала она тихо.

В это время где-то в джунглях пронзительно закричала птица. А потом, спустя секунду, кто-то завыл, будто прово-жая тоскливой нотой последние лучи солнца. Или наоборот – приветствуя надвигающуюся тьму.

Глава 3

За нами должен был зайти Адриан. Мы договорились вместе пойти на завтрак, и я не сомневался, что проводник придёт. Настолько, что даже будильник заводить не стал. Поэтому проснувшись от яркого солнца, которое светило мне прямо в глаза через неплотно задернутые занавески, и поглядев на часы я немного удивился.

Уже десять утра. Мы проспали больше девяти часов. Впрочем, это не удивительно, после перелёта, и с учётом разницы во времени.

Но почему Адриан не пришёл? Он вроде произвёл впечатление исполнительного и ответственного сотрудника.

– Соня? – позвал я, – слышишь меня?

– М-м-м?.. – сонно отозвалась напарница.

– Соня не будь соней, – продолжал я, неловко скаламбурив. Её всегда бесило такое обращение, а, значит, она точно должна была проснуться.

– Да сам ты... – вяло отмахнулась она.

– Время одиннадцатый час.

– Ч-что? Почему? Блин, а сказали, что завтрак до десяти!

– Вот и я о чём. Давай собираться!

Мы помылись, привели себя в порядок и оделись. Потом вышли на улицу. В городке было пустынно. Только у дальне-

го корпуса, за бассейном, было какое-то движение. Там стоял белый внедорожник, возле него толпились люди в рабочих комбинезонах. Мы направились в ту сторону.

Увидев нас, кто-то из местных замахал руками и что-то сказал на французском. Я попробовал ответить по-английски, но тщетно: меня явно не поняли. Однако Соня не теряла надежды получить хоть какую-то информацию о том, где находится руководство, раз за разом повторяя слово «Босс». Она даже жестами пыталась изобразить начальника. Вышло довольно смешно.

Парень, который нас остановил, выглядел очень растерянно, уже явно жалея о том, что связался с нами.

Не знаю, сколько ещё я бы наблюдал Сонину пантомиму, но в этот момент из корпуса вышла Анна. Она была в медицинском халате, маске и резиновых перчатках. Увидев нас, она опустила маску и сказала:

– Ох, ребят... про вас-то мы и забыли...

– Что случилось? – спросил я; поскольку местный парень отступил в сторону, я пошёл навстречу врачу.

– К сожалению, не смогу вас ничем порадовать, – вздохнула Анна. Вид у неё был крайне растерянный: глаза стеклянные, руки дрожат...

Соня посмотрела на меня затравленно. Я украдкой махнул рукой, мол: «Успокойся, всё выясним».

– Что случилось? – повторил я. – Мы пропустили завтрак, Адриан должен был нас разбудить, но, видимо, забыл. Тем

не менее, мы готовы выдвигаться.

– Сегодня точно не получится, – ответила Анна, – ваш проводник скончался.

Соня схватила меня за руку.

– Как... – вырвалось у меня, – когда?

– Сегодня ночью. Точнее смогу определить после вскрытия.

– Ох... – выдохнула Соня.

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Поверьте, мне тоже, – кивнула Анна. – Если можно, пождите, пожалуйста, в вашем номере. Когда мы разберёмся со всем – вас вызовут.

Я хотел было кивнуть и вернуться обратно, но тут заметил, что к нам приближается группа вооруженных людей в камуфляже, европейской внешности. Наёмники – охранники.

Заметив их, Анна будто забыла о нас и быстрым шагом двинулась им навстречу, махая рукой.

– Что-то не так, – шепнула Соня мне на ухо.

– Да уж, куда уж ещё нетакнее! – согласился я.

– Тс-с-с! – она пихнула меня в бок, – пошли. Быстро!

– Куда?.. – попробовал возразить я, но Соня уже увлекала меня с собой за руку.

Мы обошли толпу местных в комбинезонах и скрылись за корпусом.

– Куда ты? – повторил я, увидев, что Соня собирается вой-

ти через чёрный ход.

– Пошли, блин! Раскудахтался.

Она утянула меня за собой.

Внутри было пусто. Только в коридоре дверь одной из комнат была открыта. Меня это удивило: если это номер Адриана, и он там умер – получается, Анна просто оставила тело? Вот так? Без всякой охраны? А потом я сложил два плюс два, вспомнив про вооружённых охранников.

– Если что-то задумала – делай быстро, – заметил я.

– Проснулся, блин, – пробурчала Соня и метнулась в сторону открытой комнаты.

Адриан лежал на своей кровати, среди смятых простыней. Точнее, лежало то, что от него осталось. Это, скорее, походило на какую-то пластиковую куклу из магазина страшилок, чем на труп человека, который был жив ещё каких—то десять часов назад.

Его от природы серая кожа будто выцвела и приобрела бледно—землистый оттенок. Всё тело сморщилось, будто высохло. Отчётливо проступили все кости. Щёки ввалились так, что обнажили ровные белые зубы. В глазницах не было видно не только глаз, но даже век.

– Ох... – выдохнула Соня, хватаясь за рот.

– Пошли обратно, – прошептал я, перегородив ей путь в комнату.

Она кивнула.

Мы двинулись было обратно, в сторону запасного выхода,

но я услышал, как открылась входная дверь. Послышались голоса. Анна что-то эмоционально выговаривала по-французски.

Я затравлено огляделся. Дёрнул на себя первую попавшуюся дверь, и – о чудо! – она оказалась открыта.

Мы едва успели закрыть дверь за собой, как в коридор кто-то вошёл. Судя по шагам, двигались двое.

– Я не понимаю. Так был тут кто-то из местных или нет? – говорил Александр; его голос был крайне раздражён.

– Говорят, что нет. Но я не верю, – ответила Анна, – скорее всего, его уборщик обнаружил. А уже потом начался этот цирк с вызовом старшего смены...

– Тоже так думаю, – сказал геолог.

Они прошли мимо двери номера, где мы укрылись.

– Ох твою—ж то мать! – Александр не смог сдержать эмоций.

Послышался звук закрываемой двери. Потом какая-то возня – и дверь снова открылась.

– ...нет уж, – говорил геолог, – не надо закрываться с этой... с этим...

– Человеком, – закончила фразу Анна, – что бы ни случилось, он был человеком.

Александр тяжело вздохнул.

– Конторщики уже знают? – спросил он.

– Да. Я встретила их, когда они направлялись сюда. Успела перехватить вовремя. Отправила их обратно в номер,

ждать.

– Правильно поступила. Если они сообщат своим – последствия будут непредсказуемые.

«Конторщики?» – одними губами спросила Соня. Я в ответ пожал плечами в недоумении. До этого я как-то не задумывался кем считают нас местные. Дела хантеров мы с ними обсуждать точно не планировали.

– Надо было изолировать уборщика, – продолжал геолог, – хотя бы на день-два. Это бы позволило выиграть время.

– Надо было, – согласилась Анна, – но уже поздно было, когда я узнала. Попробуй-ка найди его теперь. Ищи-свищи.

– Ладно, – ответил Александр, – пойду попробую собрать наш местный актив. Пускай работаю. Зря что ли им доплачиваем, в конце концов?

– Я бы не стала, – возразила Анна.

– Почему?

– В этой ситуации это только усилит напряжение. Если уж на то пошло, надо объявить решение о повышении квартальной премии. Тем более, что можем себе позволить. Благодаря конторщикам мы вывезли достаточно сплава Доре, чтобы пополнить наши счета. И голова вроде не против. Так?

– Так... – вздохнул геолог, – ладно. Посмотрим. Вроде пока ещё тихо. Может, обойдётся вовсе.

– Я бы на это не рассчитывала, – сказала врач.

В это время в коридоре снова слышались шаги.

– We're ready, – сказал кто-то на английском; скорее всего, голос принадлежал одному из охранников, – but suggest to act rapidly. They are too excited.¹

– We will, – ответила Анна, и добавила на русском, видимо, обращаясь к Александру: – Помогите закрыть его.

Несколько минут возни – и в блоке снова всё затихло. Мы осторожно выглянули из комнаты. Никого. Быстрым шагом мы дошли до чёрного хода и вышли на улицу.

– И что всё это может значить? – спросила Соня.

– Понятия не имею, – ответил я, – стражи не действуют за пределами кладбища. Это было бы возможно, если бы объект находился прямо под нами.

Напарница боязливо посмотрела под ноги.

– Да нет, – добавил я, – нереально.

– Тогда что с ним случилось?

– Не знаю, – я пожал плечами, – но вообще у меня есть неприятное чувство, что мы встряли в какие-то местные разборки. Наверняка этому найдётся разумное объяснение, просто нужен хороший следователь.

– Кстати, почему тут всем командует геолог? – спросила Соня, – где официальный руководитель? Директор рудника? Почему Александр вдруг занимается такими вопросами?

– Понятия не имею! – честно признался я, – может, должность совмещённая.

¹ Мы готовы. Но советуем действовать быстро. Они слишком возбуждены (англ.)

– Мне кажется, это как-то связано с общей ситуацией, – заметила Соня, – надо было сразу спросить у них. Посмотреть, что бы сказали.

– Может, ты и права, – я пожал плечами, – но сейчас, как мне кажется, лучше не обострять. Давай просто посмотрим, как будет развиваться ситуация.

Вернувшись в номер, я первым делом достал служебный смартфон. Да, связь посвящённым Алой Ступени полагалась особенная. Мы умели хранить секреты.

Я активировал аппарат и положил на подоконник. Дождался, пока в верхней части дисплея загорится значок активной спутниковой линии. Потом открыл мессенджер.

«ЧП на месте, – написал я, – умер проводник, Адриан. Возможно, его убили. Тело выглядело странно, будто высохло. Подозреваем могилу и стражей, – поколебавшись немного, я добавил: – Руководство рудника темнит».

Соня смотрела через плечо за текстом, который я набирал. Она одобритительно кивнула.

Я нажал кнопку «Отправить».

Ответ пришёл сразу: «Миссия отбой. Ждать силовую поддержку на месте. Проявлять максимальную осторожность, держаться вооружённой охраны. Боец по имени Майкл – наш».

– Вот те раз, – прокомментировала Соня, – так сразу?

– Сам в шоке... – констатировал я.

– Слушай, я жрать хочу, – неожиданно сказала напарни-

ца, – от нервов, наверное.

– Блин, ты удивляешь! – ответил я, – после того, что мы видели?

Соня беспомощно пожала плечами.

– Ладно. Сейчас сходим на разведку. Что-то в столовой должно же быть, так?

Но выйти мы не успели. Я едва успел спрятать смартфон в карман, как в дверь постучали.

На пороге стояла Анна. Она изо всех сил старалась изобразить хладнокровное спокойствие, но её левое веко предательски подёргивалось.

– Привет, – сказала она, – ребят, выезд пока откладывается. Мы должны отправить тело погибшего в нашу головную клинику в Конакри, где его подготовят к транспортировке на родину.

– Адриан вроде говорил, что сюда перебрался с концами... – заметил я.

– Его родители живут в Питере, – ответила Анна, – по условиям контракта мы обеспечиваем возвращение.

– Ясно, – кивнула Соня, – мы можем как-то помочь?

– На самом деле да, – кивнула Анна, – я для этого к вам и пришла, – она вздохнула, переминаясь с ноги на ноги, – тут не всегда бывает просто. Вопрос коммуникаций, знаете ли. У нас был хороший специалист по связи с местной общиной – но он в затянувшемся отпуске во Франции. Он не может въехать из-за общей ситуации в стране, поэтому нам прихо-

дится...

– Мы понимаем, – перебил я и посмотрел врачу в глаза.

– Вы не могли бы съездить с нами на аэродром? – врач, наконец, прямо озвучила свою просьбу, – очень важно, чтобы местные увидели, что вы остаётесь с нами. Так нам, возможно, удастся избежать производственного сбоя из-за проблем с персоналом.

Соня посмотрела на меня. В целом, это не нарушало инструкций, если мы выполним эту просьбу. Хотя она и выглядела... скажем так, странно.

– Охрана будет? – спросила Соня, многозначительно посмотрев на меня.

– Конечно, – улыбнулась Анна, – как обычно, лучшие специалисты.

До отъезда нам даже удалось перекусить. В столовой действительно оставались запасы готовой еды, специально для тех, кто из-за служебных обязанностей был вынужден питаться не по графику.

Соня с таким аппетитом накинулась на варёные сосиски с кукурузой, что мне стало завидно. Я до сих пор никак не мог забыть вид мёртвого Адриана, и кусок в горло не лез. Зато я как следует заправился кофе. Он тут был по-настоящему хороший: густой и ароматный.

На аэродром выдвигались на трёх машинах. В одной были установлены носилки, где лежал обвязанный ремнями для

фиксации саван с покойником. Там же ехала Анна. В двухместном пикапе за рулём сидел Александр, а на пассажирском сиденье – Антуан. Мы ехали замыкающими, с тремя охранниками.

Я задумался на секунду – стоит ли выяснить, есть ли среди них Майкл? Может быть полезно, в ближайшем будущем.

Я оглянулся на заднее сиденье и спросил:

– Hi, guys. How you doing? I'm Arti², – после чего протянул руку.

Боевики переглянулись. Тот, что сидел в центре, вероятно, был старшим. Серьёзный, здоровый, бритый почти на лысо. Глубоко посаженные карие глаза. Он ответил на рукопожатие и сказал:

– I'm Michael. They're Dan and Sam³, – ответил он.

В ответ я улыбнулся, кивнул и сел ровно. Можно было продолжать диалог – но мне в голову не приходило ни одного толкового предлога. Тот ли это Майкл, который нам нужен? Скорее всего. В любом случае, мы это быстро выясним, в случае чего. Нисколько в этом не сомневался.

У ворот, ведущих к грунтовой полосе местного аэродрома, было довольнолюдно. Кучковались местные, в синих комбезах и ярких светоотражающих жилетах. Они о чём-то разговаривали с вооружённой охраной, но, вроде бы, всё выглядело достаточно мирно.

² Привет, ребят. Как дела? Я Арти. (англ)

³ Я Майкл. Это Дэн и Сэм. (англ)

Мы остановились у створа полосы. Тут стоят тот же самый самолётик, который доставил нас из Конакри. Носилки с телом Адриана уже вытаскивали из внедорожника. Анна стояла рядом и заполняла какие-то бумаги на капоте машины.

Я направился к ней.

– Ну вот, – ответил я, когда подошёл ближе, – мы прибыли.

Она подняла глаза, скользнула по нам растерянным взглядом, потом снова погрузилась в бумаги.

– А, да, спасибо большое, – пробормотала она.

– Что-то ещё требуется? Или просто присутствовать? – вмешалась Соня.

– Нет-нет, ничего. После отлёта давайте поедим пообедаем вместе. Обсудим, что делать дальше.

– Конечно, – дипломатично кивнул я.

Честно говоря – я испытывал какую-то неосознанную тревогу оттого, что это не мы улетаем сейчас. Впрочем, с телом на борту я бы лететь точно отказался. В конце концов, мы в Африке. Конечно, Анна почему-то уверена, что это не инфекция, иначе ввела бы карантин – но мало ли? Врачи тоже иногда ошибаются.

Мы отошли в сторонку, чтобы не мешаться. Тело погрузили быстро, а с ним – ещё несколько небольших ящиков с каким-то грузом. Пилоты проверили документы, расписались, где положено – и закрыли за собой люки.

Самолёт начал раскручивать пропеллеры. Потом двинул-

ся вперёд, выруливая в самое начало полосы, чтобы получить максимальную длину для разбега.

Я заметил, что охранники всё это время были рядом с нами. Они смотрели в разные стороны, будто сканируя джунгли и подъездную дорогу.

Когда самолёт начал разбег, к нам подошла Анна.

– Спасибо ещё раз, ребят, – сказала она, кажется, вполне искренне, – вы действительно здорово помогли.

– Да не за что, – я пожал плечами, – это не сложно.

– Есть и хорошие новости, – добавила Анна, – из Конакри в ближайшие часы планируется вылет. У нас будет поддержка, а у вас – новые сопровождающие. Если мы правильно поняли. До нас ведь не вся информация доходит.

В этот момент самолёт дал газ и начал разбег. Шум стоял довольно сильный, поэтому я предпочёл промолчать, чтобы не напрягать голосовые связки.

Самолёт тяжело оторвался от земли и начал набирать высоту. Потом накренился вправо, уходя на разворот. Я уже отвлёл взгляд и собирался вернуться в автомобиль, но тут Соня схватила меня за руку.

После поворота самолёт не выправился. Он плавно лёг на бок. Потом перевернулся, быстро теряя высоту. И через несколько секунд почти вертикально вонзился в землю, где-то справа от нас, в лесу. До нас долетел глухой рокот взрыва, а потом я увидел поднимающийся над лесом «гриб» взрыва.

Глава 4

Мы просидели в комнате для брифингов в лагере «Ви» часа два. Мне кажется, что это время мы вполне могли провести в своём номере, но Александр очень вежливо, но убедительно попросил нас остаться под централизованной охраной, которая встала вокруг административного корпуса чуть ли не живой цепью.

Наконец, появились менеджеры рудника, в том же составе, в котором они встречали нас. Свой испуг и растерянность они даже не пытались скрыть.

Анна первая опустилась в кресло, откинулась на спинку и потёрла щёки ладонями. Геолог мялся, выбирая место. Возможно, просто оттягивая начало разговора, собираясь с мыслями.

– Так, господа, – он всё-таки сел рядом с Анной, – у нас, к сожалению, не самые позитивные новости.

Соня посмотрела на меня с тоской. Она предполагала, что наше ожидание не сулит ничего хорошего.

– Говорите как есть, – попросил я.

– После утреннего... инцидента ваши... эхм... коллеги связались с нами. Они были готовы предоставить исчерпывающую силовую и кадровую поддержку. С тем, чтобы вы смогли гарантированно и безопасно завершить свою миссию, – геолог сделал паузу, взял со стола бутылку с водой и

сделал несколько глотков.

– Скажите, а почему вы отвечаете за эти вопросы? – воспользовавшись паузой, вмешалась Соня.

– Пардон, не понял, – ответил Александр.

– Ну, возникает впечатление, что вы тут за всё отвечаете, – продолжала Соня, – но вы ведь главный геолог. Не генеральный директор. Не директор рудника. Главные геологи ведь обычно отвечают за другие вопросы. Я так думаю. Разве нет?

Александр посмотрел на Анну. Та едва заметно пожала плечами.

– Это вы верно подметили, – кивнул геолог, – я действительно совмещаю должность с обязанностями генерального директора. У нас случился, в некотором роде, кадровый кризис. О причинах догадаться не сложно.

– Скажите. Тот человек – который исполнял эти обязанности до вас. Он... жив? – спросил я.

– Насколько мне известно, да, – осторожно ответил Александр.

– Он был женат на местной женщине, – неожиданно вмешалась Анна, потом она посмотрела на геолога и добавила: – Саш, думаю, не время темнить. Правда.

– Ладно, – ответил он, вздохнув, – он был... очень интегрирован в местное общество. И сбежал в первый же день, когда мы обнаружили находку. Вместе с семьёй, бросив всё, даже не заморочившись с документами. Обычно у нас такое не прощают – но наше руководство велело не раскручивать

историю. Всё спустили на тормозах.

– Ясно, – кивнул я.

– Потом были постоянные проблемы с местным персоналом. Думаю, он являлся первопричиной.

– И что же могло его так сильно... напугать? – спросил я.

– Понимаете, – вздохнул Александр, – сложность нашей работы здесь, в Африке, часто заключается в том, что наиболее геологически интересные участки, скажем так, благодаря своим свойствам выделяются местным населением. Иногда – с культовыми целями. Ну, или просто как традиционные места. Очень тяжело бывает договориться даже о проведении нормальной разведки. Приходится задействовать связи в правительстве, силовую поддержку, все эти дела, которые, конечно же, обходятся недёшево...

– Участок, где проводили изыскания, был таким местом? – догадался я.

– Верно, – кивнул геолог, – хотя официально всё было оформлено как надо. У нас была лицензия на разведку. Не на добычу пока, обычно местные с этим разбираются до того, как начинается что-то серьёзное.

– И эта лицензия предусматривала проведение серьёзных взрывных работ? – уточнил я.

– Н... не совсем, – вздохнул Александр, – мы договорились, что я проведу подрыв для сейсмоанализа за границами того участка, который местные считают... ну, скажем, важным.

– Они там мальчишков обрезают, – вмешалась Анна, – и всегда это делали.

– А, ну да, они же мусульмане... – кивнул я с пониманием.

– Они это делали и в доисламскую эпоху. А потом просто адаптировали местные традиции с требованиями новой религии. Но место осталось. Священное, как вы понимаете.

– И вы рискнули подорвать там? – уточнил я, глядя геологу в глаза.

Тот опустил взгляд.

– На самой границе участка.

– Без ведома руководителя рудника, так?

– Не совсем. Он подписал план работ, где был обозначен возможный район зондирования. Формально я остался в его границах.

– Рисковый вы человек... – заметил я.

– Всё было бы нормально! Само место не пострадало бы – по крайней мере, до тех пор, пока данные о запасах не дошли бы до правительства. Если бы рудное тело действительно было бы там...

– Но случилось то, что случилось, – впервые заговорил Антуан, горестно вздохнув.

– Что ж... теперь понятно насчёт силовой поддержки, – сказал я.

– И тут мы возвращаемся к новостям, – продолжал геолог, – в ближайшее время её не будет.

– Почему? – в тот момент я даже не насторожился, хотя

следовало бы.

– Они не могут вылететь из Конакри. К нам движется мощный шторм.

– На сколько задержка? – спросил я, – может, имеет смысл эвакуироваться по земле?

– Это не просто шторм, – снова вмешался Антуан, – на нас движется настоящий ураган. Большая редкость в наших местах. Сейчас синоптики дают двенадцать баллов. Конакри готовится к удару стихии. Есть шанс, что до нас он дойдёт сильно ослабленным – но готовиться нам тоже придётся. Ехать никак нельзя, это крайне опасно.

– О, господи, двенадцать баллов!?! – переспросила Анна, побледнев.

– Боюсь, что так.

– Когда? – спросил я, – когда он будет здесь?

– При таких темпах продвижения, вероятно, уже сегодня к ночи, – ответил Антуан.

– Чтобы вы понимали, – продолжал Александр, – у нас половина рудника уже разбежалось. Местные работники массово покидают посты. Мы вынуждены остановить основные технологические процессы, но сооружения рудника не рассчитаны на такой ветер, даже близко. Разрушения будут колоссальными. Плюс ущерб для экологии. У нас есть ряд технических водоёмов. Местность может сильно пострадать. Разбирать последствия мы будем не один месяц!

– Нужно подготовить укрытия, – сообразил я, – тут можно

найти что-то похожее?

– Уже занимаемся, – кивнул геолог, – но капитальных строений, которые могли бы выдержать подобное, не так много. Тех, кто останется на предприятии, постараемся укрыть в тигельной. В обычное время это самая охраняемая территория. В здании стены, которые могут выдержать выстрел из гранатомёта.

– Уже неплохо, – кивнул я.

– Но насчёт вас у нас категорические указания: избегать общих укрытий, – ответил геолог.

– Не понял.

– Нам придётся оборудовать укрытие здесь. Административный корпус стоит на капитальном фундаменте. Стены кирпичные, армированные. У нас три таких здания здесь, в административном лагере. Как раз хватит на управляющий персонал. Но, конечно, их придётся укрепить. Именно этим мы и будем заниматься до ночи.

Повисла пауза. Соня смотрела на меня остекленевшим, испуганным взглядом. Я же старался сохранять невозмутимый вид.

– Нам нужно будет вещи перенести сюда, – сказал я.

– Конечно, – кивнул Антуан, – и мы сделаем склад припасов, чтобы при необходимости продержаться несколько дней.

– Мы... можем чем-то помочь? – Соня вышла из ступора.

– Если хотите, – кивнул Александр, – руки точно лишни-

ми не будут. Учитывая проблему с персоналом.

Раньше я никогда не замечал, что физический труд действует успокаивающе. После того, как мы узнали про ураган, у меня в голове всё время крутились апокалиптические картины из новостей, где ветер срывает крыши с домов и поднимает в воздух грузовики и катера. Но постепенно, таская тяжеленные фанерные листы, я успокаивался.

Листы крепились снаружи, блокируя доступ к оконным проёмам, после чего дополнительно укреплялись железными прутами, которую, как я понял, варили прямо на арматуру самого здания, доступ к которой сохранялся возле оконных проёмов. Вот что значит производственное предприятие – всё это дело, включая сварочные аппараты и прочие инструменты, без труда нашлось на складах.

Внутри административного корпуса притащили спальные мешки, коробки с консервами, воду, даже генератор с несколькими запасными канистрами бензина. По мере продвижения работ я успокаивался не только из-за усталости, но и благодаря тому, что действительно начинал верить, что корпус выдержит.

Ближе к вечеру, когда приготовления почти завершились, ко мне подошла Соня и отвела в сторону.

– Как думаешь, что произошло в самолёте? – спросила она безо всяких предисловий.

– Понятия не имею, – я пожал плечами, – может, электро-

ника отказала.

– Угу. Конечно, – вздохнула напарница, – Арти, я не верю в такие совпадения. Что бы тут ни происходило, оно... похоже, оно более могущественно, чем мы можем себе вообразить.

– Думаешь, шторм тоже оно, того? – я усмехнулся, махнув рукой.

Соня ответила на мою улыбку серьёзным взглядом.

– Ну не-е-ет, – я покачал головой, – это уже реально слишком.

– Что пишут наши?

Знаю, это странно, но почему-то только теперь я вспомнил про спутниковую связь. Просто как-то отложилось, что я обо всём сообщил, получил указания, плюс информация от сотрудников рудника... вроде как необходимости не было дёргаться лишний раз.

Но на самом деле она, конечно же, была.

– Пойдём, – сказал я, – глянем.

Мы вернулись в корпус, где в одном из углов уже были сложены наши вещи. Я достал смартфон и мы снова вышли на улицу. Работы ещё продолжались: русские сотрудники и боевики из охранной компании на нас не обращали особого внимания. Очень хорошо.

Как только я разблокировал аппарат, на экране высветилось оповещение о полученном сообщении.

Содержание было кратким, но довольно пугающим: «Не

оставайтесь на открытом пространстве ночью даже после шторма. Ночной клан активизировался, наблюдаем выдвижение сил. Ведём переговоры. Используйте любые средства, чтобы выжить».

– Ночной клан? – Соня захлопала глазами.

– Они, – вздохнул я, – честно – когда Эльвира упоминала про них, я думал, что она шутит. Ну, вроде как прикалывается над новичками.

– Ох, Арти... наши ведь говорили, что эти отошли от дел... и вообще ведут себя цивилизованно. И что мало их...

– Сонь, я сам в шоке.

Мы вернулись к административному корпусу. Возле входа стояли Александр и Анна. Увидев нас, Анна помахала рукой и сделала приглашающий жест.

– Ребят, привет! – сказала она, – мы заканчиваем. В административном останемся мы, плюс Антуан и двое парней из охраны. Остальные сотрудники распределены по другим корпусам. Вас это устроит?

– Спасибо, – кивнул я, – вполне.

– Отлично. Есть один нюанс, – сказал Александр, – с учётом обстановки мы планируем сделать круглосуточные дежурства. Нужно будет следить за безопасностью, чтобы ничего не загорелось, не осталось случайно включенным или открытым. Плюс поддерживать связь по рации с другими корпусами.

– Охранников всего трое, – добавила Анна, – к тому же,

дежурство лучше нести парами.

– Да, конечно, – кивнула Соня, – мы участвуем.

– Как гости, вы можете определить себе время. Ночное время у нас официально начинается с десяти вечера. Тогда же стартуют и дежурства.

– А по сколько часов стоим? – спросил я.

– По два, – ответила Анна.

– Так, нас, получается, будет восемь человек, так? Четыре смены по два часа. Итого одна смена за ночь, верно? – спросил я.

– Всё так, – улыбнулась Анна, – приятно иметь дело с сообразительным человеком.

– Тогда мы с десяти до полуночи, – вмешалась Соня.

– Отлично, – кивнула Анна, – что ж. Чуть позже я скажу, кого вам нужно будет разбудить. Часы у вас есть?

– Есть, – кивнул я, – по крайней мере, пока заряд на телефоне держится.

– Кстати, зарядите его. До полной. И все пауэр-банки, если у вас есть, – добавила доктор.

– Само собой, – кивнул я.

Когда мы зашли в корпус, солнце уже ушло за горизонт. Сумерек тут почти не было – сразу после заката наступала ночь.

Я заметил, что обычную для этих мест влажную духоту разгонял лёгкий ветерок. Он был ласковым и приятным. Пока что.

У меня из головы не шло предупреждение о ночном клане. О самом их существовании я узнал совсем недавно – когда Эльвира начала перед нами приоткрывать тайные пружины скрытых механизмов, которые управляют нашим миром. Среди всех организаций они были, пожалуй, самыми скрытыми. Но и самыми известными. Когда-то для того, чтобы выжить, они решили специально распространить как можно больше дезинформации о собственной природе и возможностях. И не просто распространить – а внедрить на уровне стереотипов. Которым даже нам, уже посвященным Алой Ступени было сложно не поддаться.

Если коротко – мне было страшно.

Глава 5

Как-то так само собой получилось, что среди боевиков, которые остались с нами в административном корпусе, оказался Майкл. Сделал он это сам, сознательно – или же просто так совпало – я не имел ни малейшего понятия.

Судя по сообщению, которое нам прислали на смарт, он был из наших. Вот только в каких он отношениях с Алой Ступенью? Что знает о нас? Я этого не знал. И спрашивать напрямую, понятное дело, было нельзя.

Часов в восемь вечера мы закрылись, окончательно отрезая себя от внешнего мира. Главный вход к тому времени был давно заколочен щитами и укреплён арматурой. Оставался запасной, который был в два раза уже. Для начала задвинули внушительный засов на огромных петлях. А потом установили толстый деревянный щит, который заколотили изнутри крест-накрест. Арматуру тут варить было не к чему, а долбить стены, чтобы добраться до железных конструкций, не было ни времени, да и, по большому счёту, смысла. Конструкция и без того выглядела достаточно прочной.

После того, как замолкли последние удары молотка, стало как-то по-особенному тихо. Я посмотрел наверх, прислушиваясь к первым порывам ветра.

– Там всё надёжно, – уверил меня Александр, проследив направление моего взгляда, – бетонные плиты и перекрытия.

Даже если чердак сорвёт – внутри мы останемся безопасно-
сти. А единственный выход мы тщательно закрыли.

– Спасибо, – кивнул я, – так спокойнее.

В этот момент к нам подошёл Майкл.

– Доктор Дорогов, – он обратился к геологу, на вполне приличном русском языке, хоть и с лёгким акцентом; почему-то в этот момент я почувствовал себя немного идиотом, – техническая команда рекомендует вырубать станцию. Линии, скорее всего, сорвёт. Это уже становится опасным – может быть пожар.

– Что ж, – вздохнул Александр, – добро. Пускай вырубают, – сказал он, после чего добавил громко, чтобы слышали все, кто находился в главном зале: – Ребята, переходим на фонарики! Экономим аккумуляторы! Генератор включим только в крайнем случае! Свет сейчас вырубится.

Я слышал, как Майкл что-то сказал на французском по рации, когда тот отошёл в сторону.

Где-то через полминуты светодиодные лампы под потолком мигнули и погасли. Только оказавшись в полной темноте я осознал, насколько плотно мы законопатились.

Через секунду кто-то включил фонарик и направил луч на потолок.

Я тоже достал фонарик и вышел в центральный коридор. Соня отошла в туалет, и я не хотел, чтобы она пробиралась по тёмному помещению, сажая шишки на лоб.

– Что случилось? – спросила она обеспокоено, когда уви-

дела меня с фонариком.

– Ничего. Всё штатно. Выключили электричество на объекте, чтобы пожара не было. Ветер крепчает.

– Хорошо, – кивнула она, – точнее, не очень хорошо – я увидела, что там есть стиральные машинки. Хотела воспользоваться, раз уж мы здесь застряли.

– Не лучшая идея, – ухмыльнулся я, – а вообще мне нравится твой настрой. Обычная девчонка на твоём месте уже тряслась бы как осиновый лист.

– Если это комплимент, то спасибо, – ответила она, – да, мне страшно. Но не так, как было на могиле, там, в Якутии.

– Да уж... – согласился я.

– Коллеги, – Майкл подошёл совершенно бесшумно, и я подпрыгнул от его голоса за спиной, – вы первыми дежурите, верно?

– Ага, – кивнул я, – всё верно.

– Пойдёмте со мной, я объясню, как у нас внутренняя связь устроена. Научу пользоваться рацией, – сказал Майкл, и добавил: – *vous parlez français?*

– Же не манс па сис жур! – автоматически ответил я и виновато улыбнулся.

Майкл обескуражено опустил уголки губ.

– Не понимаю, – сказал он, – почему русские, которые не владеют французским, сразу пытаются сообщить, что они не ели шесть дней?

– Мне от родителей досталось, – честно признался я;

и действительно – мало кто из парней моего возраста смотрел оригинальный фильм, не говоря о книге.

Майкл посмотрел на меня немного затравлено. Но ничего не ответил на мою реплику. Видимо, решил не связываться.

– Это портативная станция «Айком», – вместо этого сказал он, продемонстрировав рацию, – она уже настроена на нужный канал. На передней панели никакие кнопки трогать не надо. Громкость вот, – он покрутил энкодер на верхней панели, рядом с антенной, – только осторожнее, не выключите случайно.

– Хорошо, – кивнул я.

– Я предупрежу, что вы говорите по-русски и по-английски, – продолжал Майкл, – чтобы не было недоразумений.

– Спасибо, – кивнул я.

Мы сидели в углу центрального зала, за маленьким столом, возле заколоченного окна. Тут поставили небольшую ширму, чтобы отделить пост от основного помещения. Разумно – ведь спать предполагалось именно здесь, в спальнях мешках на полу, всем вместе. Рация стояла на подоконнике – видимо, тут был лучший приём.

– А когда выходить на связь? – спросила Соня.

Майкл уже набрал в лёгкие воздух, чтобы ответить, но тут из-за ширмы вышел Александр.

– Если случится что-то неожиданное, о чём следует предупредить остальных, – сказал он, – ребят, не очень хорошие новости из Конакри. В городе чрезвычайная ситуация.

Правительство запросило экстренной помощи ООН. Многочисленные жертвы, город в руинах. Аэропорт разрушен, полоса не сможет принимать самолёты минимум неделю, ни в каком режиме. Я обо всём доложил. Руководство в курсе, будет прорабатывать альтернативную логистику после того, как шторм пройдёт.

– Ясно, – вздохнул я, – спасибо, что сообщили.

Александр кивнул и вышел из-за ширмы.

– Слушайте, а у нас есть какой-то позывной? – спросила Соня, – ну, там, Вершина? Или Замок?

Майкл посмотрел на меня, будто решая: это шутка или она всерьёз? Я не стал ему подыгрывать, сохраняя «покерное лицо».

– Мы не на войне, – наконец, ответил боевик, позволив себе лёгкую улыбку, – наш позывной – «административный корпус».

Когда мы заняли пост возле рации, никто ещё и не думал спать. Кто-то решил устроить поздний ужин из консервов, кто-то работал на ноутбуке. Боевики, кажется, смотрели какой-то фильм на смартфоне, все втроём. Да, при таком отношении генератор придётся включить раньше, чем, возможно, рассчитывал Александр... впрочем, никто ведь не запрещал этого делать. И, кажется, я понимал, почему.

Пока ветер завывает где-то там, за укреплёнными стенами, а тут, внутри, в маленьком мирке, который мы сами себе

создали, продолжается привычная жизнь – звучат диалоги из фильма, кто-то шуршит на клавиатуре – то вроде как не страшно. Наоборот, даже как-то по-особенному уютно.

Но минуты шли, складываясь в часы, и народ потихоньку расходился по спальникам. И, наконец, единственным источником света внутри стал служить наш фонарик, луч которого мы направили на ближайшее заколоченное окно – чтобы нам было достаточно светло, но при этом не мешать спящим.

Где-то в начале двенадцатого ожила рация. Взволнованный голос что-то прохрипел по-французски. Я сделал громкость чуть меньше – в наступившей тишине голоса звучали преувеличено громко. Да и остальных будить не хотелось. Спустя несколько секунд этому голосу ответил другой. Потом снова всё стихло.

– И что это было? – спросила Соня шёпотом.

– Понятия не имею, – я пожал плечами, тоже переходя на шёпот, – раз на французском, значит, не нам. Пускай сами разбираются.

Особенно сильный порыв ветра ударил в здание. Что-то закрипело, но защита окон держалась прочно. Внутренний щит даже не шелохнулся.

– Я тут подумала, – сказала Соня, – а как мы утром мыться будем? Если электричество вырубili, насосы, наверное, тоже, да?

– Скорее всего, – кивнул я.

– Ну блин, – Соня разочарованно вздохнула, – надо было помыться, а я не успела. Опять эти влажные салфетки...

– Зато в безопасности! – Оптимистично заметил я.

– А что, если канализация тоже не работает? – На лице Сони отразился настоящий испуг, – и нам придётся ходить тут?

– Ну, не нагнетай, – ответил я, – думаю, тут что-то вроде автономного септика. То есть ёмкости накопители под землёй. Они вряд ли пострадают. А для работы канализации электричество не нужно.

Тут снаружи, сквозь непрекращающееся завывание ветра, до нас донёсся какой-то резкий, громкий звук. Он не был похож на обычный гром – слишком глухой и какой-то объёмный.

– Что это, Арти? – спросила Соня.

– Не знаю, – ответил я, стараясь сохранять спокойный тон.

– На гром не похоже... да?

И в этот момент звук повторился. Теперь заметно ближе. Я даже почувствовал, как пол под нами завибрировал. У меня даже комок к горлу подкатил.

– Ох... – выдохнула Соня.

В этот момент снова ожила рация. Сначала говорили по-французски. Потом говоривший поменялся, и кто-то обратился по-русски:

– Административный корпус складу.

– Арти, это мы! – возбуждённо сказала Соня и потянулась

к рации.

– Дай я, – мне было ближе, и я схватил аппарат первым. Нажал тангенту.

– Административный на связи, приём, – произнёс я.

– Как обстановка?

– Всё в норме. Слышали два необычных сильных звука.

– Подтверждаем, – ответили на том конце, – производство не отвечает. Опасаемся обрушение цеха флотации.

– Приняли, – сказал я, – главного будить?

– Отрицательно. Сейчас ничего сделать нельзя. Доложите, как проснётся.

– Приняли, – ответил я.

Только я поставил рацию обратно на подоконник, как снова кто-то вклинился на французском. Голос был взволнованный. Он прорывался через вой ветра и какой-то посторонний шум.

Ему ответили, тоже на французском. По интонации я понял, что задали какой-то вопрос.

Через секунду снаружи опять что-то ухнуло. В этот раз слабее и дальше. А ещё я услышал какую-то странную стрекотню, прорывающуюся сквозь ветер. Что-то вроде: «щёлк-щёлк-щёлк-щёлк».

– Арти, что это? – снова спросила Соня.

Я не успел ответить: снова ожила рация. Первый голос теперь что-то кричал. На заднем фоне слышался тот же ритм.

мичный звук, довольно громкий. Из рации он звучал как «та-та-та-та... та-та... та-та-та». И – уже знакомое щёлканье снаружи, в отдалении.

– Это что, автомат? – ещё один вопрос от напарницы.

– Да, – кивнул я, – скорее всего...

– Административный складу, – кто-то опять обращался к нам.

– На связи административный, приём, – ответил я.

– Вооружённую охрану на уязвимые места. Будите всех, – голос на той стороне звучал тревожно, но уверенно. Это немного успокаивало.

– Принято, – ответил я и добавил: – Что случилось?

– Пока не можем понять. Разбираемся. Ребята с производства говорят о каком-то вторжении. Может, местные, которые сегодня сбежать пытались, но не дошли до посёлка, пытались найти укрытие.

– Но почему их не пустили? Приём, – удивился я.

– У нас нет сейчас такой информации. Надо ждать, – ответил голос, – отбой.

Снаружи снова слышалась стрекотня. А потом глухой звук, подозрительно похожий на взрыв. И ещё один.

– Блин, у них там война настоящая, что ли? – прошептала Соня.

– Надо будить остальных, – сказал я, уже в полный голос. И словно в ответ на мои слова за ширму вошёл Александр.

– Что случилось? – спросил он, – флотация не выдержала,

да?

– Вероятно, – кивнул я, – но что-то ещё происходит. Не пойму что. Нас попросили всех разбудить и выставить вооружённую охрану в «уязвимых местах». Так понимаю, это всех входы.

Александр вышел и в основном помещении зажёг большой фонарик, направив луч в потолок.

– Господа, подъём, – произнёс он громко, – судя по всему, ночь простой не будет.

Стоило только всем проснуться, а охране занять места у входов с оружием в руках – странные звуки и движения прекратились.

Александр ушёл за ширму и о чём-то переговаривался на французском по рации.

– Возможно, на производственное укрытие было совершено вооружённое нападение, – сказал он, вернувшись, – наверно, рассчитывали, что часть продукции осталась на месте. Скорее всего, кто-то из местных. Вероятно, нападение готовилось давно – а тут просто воспользовались ситуацией. На складе было всего четыре слитка с последней плавки, их не успели вывезти. Связи с производством нет.

Анна всхлипнула и поднесла руку ко рту.

– Сейчас мы ничего не можем сделать. Остаёмся на месте до того момента, как стихнет ураган. Возможно, всё не так плохо. Если им нужно было только золото – они могли уйти,

лишив оставшихся средств связи.

– Но куда они ушли, в такой ураган? – спросила Соня, – там ведь невозможно находиться!

– Может, у них был тяжёлый транспорт. Скажем, угнали карьерный самосвал. Такую массу даже такой ветер едва ли сдвинет с места, – ответил Александр, – сейчас гадать бесполезно. На нас они, скорее всего, не двинутся, у нас тут нечего брать. Но сохраняем бдительность.

Как только он закончил говорить, сквозь завывания ветра за стенами прорвался звук, от которого у меня зашевелились волосы на руках. Это было похоже на протяжный стон, только необычно громкий. Полный такой неизбывной тоски, что хотелось залить уши воском, лишь бы не слышать его ни секундой больше.

Все замерли.

Это продолжалось пару секунд. Потом звук стих.

Я заметил, что Антуан стоит чуть поодаль остальных. В руках он теребил какую-то штуковину, издалика похожую на деревянную игрушку. Его лицо приобрело пепельный оттенок, лоб был в холодной испарине. Кажется, он испугался куда сильнее остальных присутствующих.

– Ч... что это? – спросила Соня.

– Сложно сказать, – вздохнул Александр, – кто-то из местных зверей, вероятно. Может быть, ветер разорил логово или что-то в этом роде.

– Ужас... – прокомментировала Анна.

– Да, мало приятного. Эти места будут долго оправляться от удара, – кивнул Александр, – а если подтвердиться информация о нападении – очень вероятна войсковая операция с фильтрацией. И другие неприятные вещи...

Анна достала из вещей большую газовую горелку и поставила кипятиться воду в кастрюле из нержавеющей стали.

– Кто-то будет кофе? – спросила она, – правда, есть только растворимый.

Все подняли руки.

Кофе пришёлся удивительно кстати. Прошёл час. Потом ещё один. Снаружи было только завывание ветра. Постепенно все как-то приободрились. Разбойное нападение и ураган – да, неприятные вещи, но мы по-прежнему под защитой надёжных стен и вооружённой охраны. А времени до утра оставалось всё меньше.

– Пойду спрошу, как дела у соседей, – наконец, сказал Александр и направился за ширму.

Через минуту мы слышали его приглушённый голос, что-то бормочущий на французском.

Я начинал раздумывать – не поспать ли мне всё-таки. Но бормотание Александра всё продолжалось, назойливо и монотонно. У меня ушла пара минут, чтобы сообразить: он так и не получил ответа.

В конце концов, геолог вернулся к остальным. На его лице была лёгкая тревога.

– Уснули они там, что ли... – сказал он.

– Может, рация разрядилась? – предположила Анна.

– Так вроде запасные аккумуляторы есть.

– Ну, может, забыли упаковать в суете. У нашей, кстати, как заряд?

– Не проверил, – ответил Александр, разворачиваясь и снова возвращаясь за ширму, – сейчас гляну.

Из-за ширмы послышались какие-то щёлкающие звуки. Потом писк рации и белый шум. После этого геолог снова начал что-то говорить по-французски. И снова без ответа.

– Да, у нашей заряд на минимуме был, – кивнул он, – я поменял аккумулятор. Но они всё равно не отвечают.

– Сто процентов запасные забыли, вместе с зарядкой, – кивнула Соня.

И в этот момент где-то недалеко послышался удар. Будто молотили огромной кувалдой по бетонному блоку. «Бух! Бух! Бух!» – Три раза.

Антуан снова отошёл куда-то в угол. Анна охнула. Александр посмотрел на двери, возле которых всё так же сидели вооружённые охранники.

– Ну и что... – хотела что-то спросить Анна, но в этот момент снаружи послышалось характерное: «Та-та-та-та-та».

– Всем лечь на пол, – громко сказал Майкл.

И все немедленно последовали его рекомендации.

«Та-та-та» прекратилось. Пару минут было тихо. Потом – снова глухие удары. Я попытался определить направление,

хотя это было не так просто из-за мощного гудения ветра и его порывов. Но по всему выходило, что звуки доносятся со стороны склада, который находился возле КПП нашего лагеря. До него метров триста по прямой.

Снова тишина. Мы лежали на полу довольно долго – полчаса как минимум. Звуков автоматных очередей или грохота больше не было, но мне казалось я слышал какой-то странный треск. Он едва прорывался сквозь мощный гул воздушного потока, так что я не мог сказать наверняка, что же это было.

Первым поднялся и сел прямо на пол Александр.

– Кажется, стихло, – произнёс он, глядя на вооружённых людей, занимавших места у заколоченных входов.

– Если это бандиты – то зачем им склад? – спросила Анна, тоже поднимаясь и усаживаясь на спальный мешок, который лежал неподалёку, – не понимаю.

– За золотом, конечно, – вздохнул геолог, – попробуй объясни, что у нас нет тайных хранилищ и неучтённых запасов. Мне давно докладывали, что среди местного персонала ходят самые дикие слухи...

– Надеюсь, наши отбились, – сказала врач.

Геолог в ответ на её реплику промолчал. Только глаза опустил.

Мы с Соней тоже поднялись. Я даже рискнул встать, чтобы подойти к своему спальнику. Странное дело: вокруг такие вещи происходят, но меня почему-то неудержимо кло-

нило в сон. Может, ещё акклиматизироваться не успел.

Я едва успел опуститься на мягкую ткань, как послышался странный скрежещущий звук. Будто кто-то водил железным прутom по внешней стене дома.

Все замерли, оглядываясь по сторонам. Боевики взяли оружие наизготовку, целясь в двери и дверные проёмы.

Звук продолжался несколько секунд. Потом исчез.

– Ч...что это? – выдохнула Анна; в её голосе слышались слёзы.

Ответа не последовало.

«Бух-бух», – звук за окном. Будто кто-то очень большой сделал шаг.

Соня подбежала ко мне и обняла, прижимаясь всем телом. Она дрожала. Я же лихорадочно сканировал помещение, пытаясь определить, где может быть самое безопасное место, если нечто вломится через окна.

Потом снова скрежещущий звук, только более приглушённый. В этот раз в районе дальнего окна. Что бы там ни было снаружи – теперь оно царапало не стену, а установленный нами экран. Я отчётливо слышал металлическое клацанье, когда неведомый предмет задевал перекладины арматуры, приваренные днём.

Потом снова было «бух-бух-бух». Кажется, нечто отошло от здания.

Мы сидели несколько минут без движения.

– Сделайте что-нибудь, – сказала Анна каким-то безжизненным голосом.

Геолог подошёл к ней и попытался обнять.

– Вы должны что-нибудь сделать! – врач отстранилась. Теперь я видел, что у неё по щекам текли самые настоящие слёзы, – сделайте же! – теперь она почти кричала.

Майкл отошёл со своего поста и, пошарив в кармане, что-то достал и протянул врачу. Та всхлипнула и взяла этот предмет. Поднесла ко рту и сделала большую затяжку. Только теперь я сообразил, что это была электронная сигарета.

– А он неплох, – прошептал я на ухо Соне.

– Кто? – переспросила она.

– Вояка этот. Майкл. Не Сергей, конечно, но тоже вроде толковый.

Словно услышав наш тихий диалог, боевик посмотрел на нас с Соней и подмигнул.

Поразительное хладнокровие.

Долгое время было тихо. Я всё ещё боялся надеяться, но старался представить, как неведомое нечто, которое скреблось по стенам, отошло от нашего корпуса. Далеко. За забор. В джунгли. От такого самовнушения становилось легче.

Я огляделся по сторонам. Боевики всё так же стояли на своих постах, хотя было видно, что постоянное напряжение давалось им не легко: кто-то зевал украдкой, кто-то тёр глаза. Даже под непосредственной и явной угрозой человек не в состоянии находится в полной готовности слишком долго.

И это плохо.

Гражданские сидели на полу. Анна докурила электронную сигарету и опустила голову на руки. Кажется, она даже задремала.

Антуан всё так же прижимал к груди свою «куклу» и, кажется, что-то тихонько шептал. Молится? Взывает к каким-то местным богам? Что бы то ни было – лучше ему не мешать, если есть хоть малейший шанс, что это сработает.

– Кажется, ветер стихает, – сказал Александр.

Я прислушался. По мне так стихия завывала всё так же, но я мало разбираюсь в тропических штормах. Может, и правда случился перелом, и ураган покидал наши места. Очень хотелось в это верить.

– Да вроде... – Майкл хотел что-то ответить по-русски.

Но в этот момент нам на голову словно рухнула скала. Грохот был таким сильным, что я невольно закрыл уши. Рёв ветра тут же стал сильнее.

С потолка отвалились несколько пластиковых плиток и упали на пол, к счастью, никого не задев. Со стыков бетонных плит вниз сыпались тонкие струйки пыли.

– Похоже чердак рухнул... – сказал геолог как-то отстранённо.

Анна снова начала всхлипывать.

«Бух! Бух! Бух!» – кто-то очень тяжелый ходил по бетонному потолку. После каждого шага отваливались потолочные плитки и сыпалась пыль. Фонарик, установленный на

полу, свалился на бок, подсвечивая оконные экраны.

– Арти, мне страшно... – снова сказала Соня.

В ответ я мог её только обнять.

Это продолжалось целую вечность. Я ждал, что потолок не выдержит, и нечто, которое бродило над нами, свалится вниз. Прямо к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.